

Максим Шаравин

ДРАГОМИРОВ
НАСЛЕДНИК «СТИХИЙ
ПУТЬ ВОЗМЕЗДИЯ

КНИГА 1

Максим Шаравин

**Драгомиров. Наследник стихий.
Путь возмездия. Книга 1**

«Автор»

2026

Шаравин М.

Драгомиров. Наследник стихий. Путь возмездия. Книга 1 /
М. Шаравин — «Автор», 2026

История повествует об Александре Михайловиче Драгомирове, юном княжиче, чья семья была уничтожена из-за поддержки свергнутого наследника престола. Чудом выжив благодаря верной няньке, он попадает в кадетский корпус под вымышленной фамилией. Там, во время миссии по зачистке разлома, он пробуждает древний дар — способность управлять пятью магическими стихиями.

© Шаравин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Максим Шаравин

Драгомиров. Наследник стихий.

Путь возмездия. Книга 1

Глава

Название: Драгомиров. Наследник стихий. Путь возмездия. Книга 1

Автор(-ы): Максим Шаравин

Глава 1

Я открыл глаза, с трудом соображая, где нахожусь. Глаза заливала кровь, мешая разглядеть что-либо вокруг. Попытался поднять руку, чтобы стереть алую пелену, но острая боль пронзила тело, словно тысячи игл впились в плоть. Сознание начало меркнуть, утягивая меня в спасительную темноту.

Последнее, что я запомнил — оглушительный взрыв и чей-то крик. Чей? Мой? Или кого-то другого? Мысли путались, превращаясь в вязкий туман.

Когда я снова пришёл в себя, то почувствовал под спиной что-то твёрдое и холодное. Камень? Или металл? В воздухе витал запах гари и чего-то металлического — крови. Много крови.

Попытался пошевелиться, но тело не слушалось. Каждая попытка движения отзывалась новой вспышкой боли. Что со мной произошло? Где я? Вопросы роились в голове, но ответов не было.

Внезапно я услышал шаги. Кто-то приближался. Медленно, осторожно, словно боясь быть замеченным. Или, может, боясь обнаружить меня?

— Жив, — раздался хриплый голос откуда-то справа. — Твою мать, как же ты так вляпался?

Я попытался ответить, но из горла вырвался лишь хрип. Горло пересохло, будто я не пил воду несколько дней.

— Тихо, не напрягайся, — голос стал ближе. — Сейчас я осмотрю твои раны.

Чьи-то осторожные руки коснулись моего лица, стирая кровь. Пальцы были тёплыми, почти горячими.

— Держись, парень. Помощь уже в пути.

В этот момент я почувствовал, как что-то тёплое разливается внутри меня. Магия? Да, определённо магия. Знакомое ощущение силы, текущей по венам, возвращало меня к жизни, прогоняя тьму.

Но вместе с возвращением сознания пришло и понимание — что-то пошло катастрофически неправильно. И теперь мне предстоит разобраться, что именно.

Если, конечно, я выживу.

Я резко открыл глаза и поднялся с кровати. Сон... это был опять тот же сон. Каждый раз одно и то же: кровь, боль, тьма. Но в этот раз что-то было иначе. Что-то изменилось.

Сердце колотилось как сумасшедшее, а по лбу стекал холодный пот. Я провёл рукой по лицу, пытаясь прийти в себя. В комнате было темно, лишь слабый свет луны проникал сквозь тяжёлые шторы.

Часы на стене показывали три часа ночи. Опять. Этот сон всегда приходил в одно и то же время. Словно кто-то заводил невидимые часы моей памяти, отсчитывая минуты до очередного пробуждения.

Я подошёл к окну и распахнул его. Прохладный ночной воздух ворвался в комнату, принося с собой запахи дождя и озона. Где-то вдалеке грохотал гром, предвещая скорую бурю.

«Это всего лишь сон», — прошептал я, пытаясь убедить сам себя. Но что-то внутри кричало об обратном. Эти видения были слишком реальными, слишком... настоящими.

В зеркале напротив отразился мой силуэт. Молодой мужчина с тёмными кругами под глазами, взъерошенными волосами и напряжённым взглядом. Взгляд, который видел слишком много для своих лет.

Внезапно я почувствовал это — слабое покалывание в пальцах, знакомое ощущение силы, дремлющей внутри. Магия. Она всегда появлялась после этих снов, словно пытаясь что-то сказать, предупредить.

Но о чём? И почему именно сейчас?

Я закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться на своих ощущениях. Сила текла по венам, словно расплавленный металл, обжигая изнутри. Это было больно, но в то же время... правильно.

Когда я снова открыл глаза, в комнате что-то изменилось. Воздух искрил от напряжения, а по стенам пробежали едва заметные всполохи света. Магия пробуждалась, откликаясь на мой зов.

«Что происходит?» — прошептал я, наблюдая за происходящим. Ответа не было. Только тишина и ожидание чего-то неизбежного.

Я снова лёг в кровать и попытался уснуть. Но, как обычно после таких пробуждений, чёртов сон упорно не шёл. Мысли крутились в голове, словно рой назойливых мух, не давая покоя.

Три часа... Всего три часа до подъёма. А потом — адские тренировки на плацу под палящим солнцем или под холодным дождём. Кадетское училище для сирот — место, где боги, если они вообще существуют, явно забыли проложить свои пути.

Здесь каждый день — борьба. Борьба за место под солнцем, за кусок хлеба, за право называться человеком. В этих стенах выживают только сильнейшие. Те, кто не сломался под грузом унижений и издевательств.

Я повернулся на бок, уставившись в тёмную стену. В памяти всплыли лица товарищей по несчастью — таких же сирот, как я. Кто-то уже не выдержит завтрашнего дня. Кто-то сломается под тяжестью нагрузок. А кто-то... может быть, найдёт в себе силы стать сильнее.

В углу комнаты скрипнула половица. Обычный звук для этого старого здания, полного призраков прошлого. Но сейчас он показался мне зловещим. Словно кто-то невидимый наблюдал за мной в темноте.

Часы на стене тикали невыносимо громко. Каждая секунда тянулась, как вечность. А до подъёма оставалось всё меньше времени. И я знал — этот день будет тяжёлым. Как и все предыдущие. Как и все последующие.

Но я должен выдержать. Ради памяти о том, кем я был. Ради надежды на то, кем я стану. Ради права на месть, которая горит в моей душе ярким пламенем.

Потому что здесь, в этих стенах, я научился одному — никогда не сдаваться. Даже когда весь мир против тебя. Даже когда боги забыли о твоём существовании.

И даже когда сон отказывается приходить, а впереди ждут изнурительные тренировки в училище, где каждый день — борьба за выживание.

Утро в кадетском корпусе началось как обычно — всех выгнали на плац. Кадеты, ещё сонные и не до конца проснувшиеся, строились в шеренги. Но сегодня что-то было не так. Обычно тренировки начинались с первыми лучами солнца, а сейчас все замерли в ожидании.

Капитан Пётр Зарубин, один из командиров кадетского корпуса и наш непосредственный наставник, учитель, тренер — просто «отец родной», стоял возле строя, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Его суровое лицо, обычно не выражающее никаких эмоций, сейчас выдавало лёгкое беспокойство. Он озибался по сторонам, словно ожидая чего-то важного.

Кадеты перешёптывались, пытаясь угадать причину задержки. Кто-то говорил о проверке из столицы, другие шептались о возможном переводе в другое подразделение.

И вот, словно по заказу, к Зарубину подбежал подпоручик, вытянулся по струнке и протянул запечатанный конверт. Капитан небрежно вскрыл его, быстрым взглядом пробежал по строчкам, и его лицо стало ещё более непроницаемым.

Мы замерли в ожидании, чувствуя, как напряжение в воздухе нарастает с каждой секундой.

— Да у них совсем там крыша поехала! — заорал на подпоручика капитан Зарубин. — Они же отправляют это «мясо» на убой! Какая помощь в зачистке Центрального разлома? Чем помогут эти юнцы, многие из которых ещё даже не научились магическую кольчугу на себя накидывать?

— Господин капитан, я только передал приказ генерального штаба. А там вы сами с ними разбирайтесь, — подпоручик медленно стал пятиться назад, так как письмо в руках капитана вспыхнуло огнём и моментально сгорело.

Кадеты переглянулись между собой, не понимая, что происходит. Центральный разлом — одно из самых опасных мест в империи, где даже опытные маги не рисковали появляться без серьёзной подготовки. Опаснее него только Сибирский разлом, который считается самым большим в империи. Его глубины таят в себе неведомые силы, а вокруг разлома построена защитная стена, которую охраняет армия, иначе монстры уже давно бы шатались по империи.

А тут — их, зелёных юнцов, собираются отправить в самое пекло! Многие кадеты побледнели, осознавая масштаб надвигающейся опасности. Шепотки пробежали по строю, но быстро стихли под тяжёлым взглядом капитана.

— Всем построиться! — рявкнул Зарубин, взяв себя в руки. Его голос звучал твёрдо, хотя в глубине души он явно был не согласен с приказом.

— У нас есть три дня на подготовку. И я клянусь, что за это время вы научитесь хотя бы выживать! Каждый из вас получит усиленную тренировку. Кто не справится — тот просто первым сдохнет в разломе, пойдя на корм монстрам. Хотя, возможно, ваше мясо даст шанс сбежать остальным! Никаких поблажек!

Строй дрогнул, но подчинился. В воздухе повисло тяжёлое предчувствие надвигающейся беды. Никто не знал, что ждёт их впереди, но одно было ясно — их жизнь уже никогда не будет прежней.

Некоторые кадеты начали перебирать в памяти всё, чему их учили: базовые заклинания защиты, техники создания магической брони, способы выживания в экстремальных условиях. Но теперь всё это казалось таким незначительным перед лицом реальной опасности.

Капитан Зарубин обвёл строй тяжёлым взглядом:

— Слушайте меня внимательно. От того, как вы подготовитесь за эти три дня, будет зависеть ваша жизнь. Нам надо помочь регулярной армии зачистить первый уровень разлома. Ночью был прорыв со второго уровня, армия несёт потери. Генеральный штаб отправляет в разлом всех, чтобы сдерживать прущих на поверхность тварей.

Слова капитана повисли в воздухе, заставляя каждого кадета осознать серьёзность ситуации.

— С этого момента вы — полноценная рота численностью в сто кусков мяса. А значит, два взвода по пятьдесят человек. В каждом взводе по пять отделений, — капитан огляделся, кого-то высматривая.

— Подпоручик!!! — заорал капитан. — Где опять болтаются эти двое кретинов?!! Чтобы через две минуты ты их нашёл и привёл сюда!

Кадеты переглянулись между собой, чувствуя, как холодок пробегает по спине. Теперь они не просто ученики кадетского корпуса — они солдаты, которым предстоит столкнуться с настоящей опасностью.

Через две минуты на плац прибежали два поручика, тяжело дыша после бега. Нас быстро поделили на два взвода, и тут же поручики принялись распределять своих подчинённых по отделениям. В воздухе витало напряжение — каждый понимал, что от этих назначений может зависеть его жизнь.

Вскоре командиры отделений были назначены из числа кадетов. Мне повезло — в моём отделении командиром назначили Михаила Романова, моего друга и, как он любит хвастаться, потомка царского рода. Хотя, если честно, в его рассказах правды было не больше, чем в сказках о драконах. Михаил был отличным товарищем, но уж очень любил приукрасить свои истории.

Когда все перестроились согласно купленным билетам, капитан Зарубин отдал приказ:

— С этого дня начинается интенсивная подготовка к боям с монстрами! Сейчас вы все отправитесь на завтрак, после чего последуют теоретические занятия. Вам расскажут всё о монстрах первого и второго уровней Центрального разлома.

Его голос звучал твёрдо и уверенно, не оставляя места для возражений.

— Далее вы будете учиться их убивать, действуя в составе своих отделений и взвода. Так как вы ещё не развили свои магические ядра, сражаться магией вы не сможете. Максимум, который вам доступен, и то далеко не всем — магическая кольчуга.

Капитан обвёл строй строгим взглядом:

— Кто ещё не научился накидывать на себя кольчугу, у вас есть три дня! Это единственная защита, которая у вас есть и будет. И запомните: от того, насколько хорошо вы освоите это умение, будет зависеть ваша жизнь!

Кадеты переглянулись, осознавая серьёзность ситуации. Многие из них только начинали осваивать магию, и мысль о том, что им предстоит сражаться с монстрами, казалась пугающей. Но приказ есть приказ, и отступить было некуда.

Строй замер в ожидании дальнейших указаний, понимая, что эти три дня станут решающими в их судьбе.

Поручики повели нас на завтрак чётким строем. В воздухе витало непривычное напряжение. Ещё на плацу, получив приказ отправляться в столовую, нам объявили о грядущих переменах.

Когда-то здесь царил настоящий хаос: более сильные кадеты проталкивались вперёд, а те, кто послабее, вынуждены были ждать своей очереди. Теперь же всё выглядело иначе — мы двигались организованно, сохраняя равнение в шеренгах.

Входя в столовую, каждый ощущал, как меняется привычный уклад. Вместо привычной суety и толчеи — строгая дисциплина. Поручики распределили нас по отделениям, указав конкретные места за столами.

Дежурные офицеры внимательно следили за порядком, их взгляды были сосредоточены и серьёзными. Никто не решался нарушить установившуюся тишину. Даже воздух, казалось, пропитался ожиданием чего-то важного.

Мы рассаживались молча, осознавая, что эти изменения — не просто прихоть командования. В каждом движении чувствовалась новая дисциплина, в каждом взгляде — серьёзность момента. Прежняя вольница закончилась, началась новая эра в нашей жизни.

Даже привычная еда — каши, супы, хлеб — теперь воспринималась иначе, словно пропитанная атмосферой грядущих перемен.

Три дня слились в один бесконечный, изматывающий поток тренировок. Время словно растворилось в череде бесконечных занятий, где каждый миг был наполнен напряжением и усталостью.

Теория по монстрам сменялась занятиями по теории боевой магии, а те, в свою очередь, переходили в изнурительные тренировки по контролю маны. Мы пытались сформировать магическую кольчугу, но она получалась у немногих, а у остальных выходила лишь бледная тень желаемого результата.

Тактические занятия поглощали всё внимание: сначала отрабатывали действия отделением, потом взводом. Каждый маневр, каждый шаг должен был быть отточен до автоматизма. Личные тренировки на мечах выматывали до предела, заставляя мышцы гореть от напряжения.

Короткие перерывы на обед и ужин казались единственным шансом на передышку, но даже они не приносили должного отдыха. Организм требовал сна, но нам давали не больше пяти часов на восстановление.

Я чувствовал, как с каждым часом силы покидают меня. Мы все были на пределе: кадеты падали от усталости, но поднимались и продолжали тренироваться. Кто-то тихо стонал от напряжения, кто-то держался из последних сил, но никто не смел показать слабость.

В голове крутились только мысли о том, как бы дожить до следующего дня. Мы все подышали — морально и физически, но продолжали идти вперёд, потому что знали: эти тренировки — наша единственная надежда выжить в предстоящем сражении с монстрами разлома.

На четвёртый день нас снова собрали на плацу. Солнце едва поднялось над горизонтом, а мы уже стояли в строю, едва держась на ногах после трёх дней непрерывных тренировок.

Капитан Зарубин медленно шёл вдоль шеренг, внимательно рассматривая каждого. Его взгляд был тяжёлым, пронизывающим, словно он пытался заглянуть в самую душу.

— За эти три дня, — начал он негромко, но его голос эхом разнёсся по плацу, — вам были переданы максимально возможные знания и тренировки. Это всё, что мы могли сделать, чтобы вы не подошли ещё здесь, в стенах училища.

Он сделал паузу, давая нам осмыслить сказанное.

— Сегодня у вас есть сутки на отдых. Никаких занятий, никаких тренировок. Пользуйтесь этим временем с умом.

Его слова повисли в воздухе тяжёлым грузом. Мы переглянулись, не веря своему счастью.

— Завтра в шесть утра придут грузовики. Вас увезут к Центральному разлому. Там вы поступите под командование регулярной армии.

Капитан остановился в центре плаца, обвёл нас взглядом.

— Надеюсь, хоть кто-то из вас выживет, — произнёс он тихо, почти шёпотом, но эти слова прозвучали для нас как приговор.

Строй замер. Никто не шевелился, никто не дышал. Мы понимали — это не просто слова. Это реальность, с которой нам предстоит столкнуться лицом к лицу.

Капитан развернулся и пошёл прочь, оставив нас стоять в оцепенении перед лицом неизвестности.

— Я подышать в разломе не собираюсь, — прошептал я, наклонившись к уху Мишки, чтобы никто больше не услышал этих слов.

Романов повернулся ко мне, его глаза блестели решимостью в утреннем свете.

— Саня, ты думаешь, я стремлюсь сдохнуть? — ответил он таким же тихим, но твёрдым голосом. — У меня ещё ни одной бабы не было, так что я там точно не подохну. Зубами буду их грызть, но выползу оттуда живой!

Мы переглянулись, и в этом взгляде читалось всё: страх, решимость, надежда. Никто из нас не хотел умирать, каждый цеплялся за жизнь всеми силами.

— Мы выживем, — добавил я, чуть крепче сжав рукоять меча. — Нас ведь тренировали, мы готовы.

— Точно, — кивнул Мишка. — Главное — держаться вместе. Как учили. Отделение — сила.

В строю воцарилась тяжёлая тишина, прерываемая лишь редким дыханием уставших кадетов. Каждый думал о своём, но мысли были похожи: выжить, вернуться, доказать, что все эти тренировки не прошли даром.

Глава 2

Весь день Мишка бился со мной, пытаюсь научить формировать магическую кольчугу. Его терпение было на исходе — мы сидели в моей комнате, и с каждой неудачной попыткой его голос становился всё громче.

— Ну почему ты такой тупой?! — взорвался Мишка, в очередной раз наблюдая за моими безуспешными попытками. — Я же тебе нормальным языком объясняю, как формировать кольчугу! Как ты вообще собираешься пользоваться магией, если не можешь сделать элементарные вещи?!

Он устало опустил на кровать, проведя рукой по взмокшему лбу. Его лицо выражало смесь раздражения и беспокойства.

— Всё, я задолбался! Пойдём хотя бы пожрём. Сегодня столовка открыта до ночи, можно в любой момент туда нагрянуть.

— Топай, топай, проглоти, — усмехнулся я, не отрываясь от попыток собрать хотя бы подобие защиты. — Я ещё потренируюсь немного в тишине, а то ты так орёшь, что я всё на свете забываю.

— Эх, Саня, Саня... — вздохнул Мишка, поднимаясь. — Если не сможешь научиться формировать кольчугу, останешься без защиты. А без защиты в разломе делать нечего. В таких условиях ты долго не протянешь.

Он вышел, а я остался наедине со своей проблемой. Чувствовал, как пульсирует магическое ядро — слабое, но упрямое. Мана струилась по венам, иногда разгораясь до обжигающего жара, словно расплавленный металл. Но каждый раз, когда я пытался взять её под контроль, что-то шло не так.

Внутренний барьер словно блокировал мои попытки. Я видел, как мана течёт по телу, чувствовал её силу, но управлять ею не мог. Казалось, будто стою перед невидимой стеной, которую не в силах преодолеть. Мои пальцы дрожали от напряжения, лоб покрылся испариной.

Снова и снова я пытался сформировать кольчугу, но результат был один — неудача за неудачей. Время шло, а прогресс оставался нулевым. В голове крутилась мысль: если не научусь контролировать силу до отправки в разлом, шансы выжить там будут минимальными.

Я закрыл глаза, пытаюсь сосредоточиться. Вспомнил все наставления Мишки, все техники контроля маны, которые нам преподавали. Но каждый раз, когда приближался к успеху, что-то срывалось. Словно невидимая рука разрушала все мои построения.

Часы тикали, а я всё сидел, пытаюсь преодолеть этот проклятый барьер. В ушах стоял гул, а перед глазами плясали разноцветные пятна. Кончики пальцев покалывало от напряжения.

Я не заметил, как уснул от усталости. Мне снился отец — князь Драгомиров Михаил Александрович. Высокий, статный, с горделивой осанкой и пронизательным взглядом, он всегда излучал силу и уверенность. Меня называли в честь его отца и моего деда — великого Магистра стихий, чья слава гремела по всей империи.

Мой дед был легендарной личностью. Он владел сразу тремя стихиями — Огнём, Землёй и Воздухом. Его мощь была настолько велика, что он не только входил в Магическую коллегия, но и долгое время являлся её главой. По слухам, он мог вызывать огненные бури, способные испепелять целые армии, управлять земными пластами, создавая непроходимые преграды, и создавать мощные воздушные вихри, сметающие всё на своём пути.

Отец же успел развиваться только до звания Мастера стихий. Две стихии — Огонь и Земля — были подвластны ему, но владел он ими в совершенстве. Каждое его заклинание было отточено до блеска, а боевые техники поражали своей эффективностью. Он был не просто магом — он был стратегом, умеющим использовать свои силы с максимальной эффективностью.

Я проснулся, но продолжал вспоминать свою погибшую семью. В памяти всплывали яркие образы: дед, рассказывающий истории о своих подвигах, о сражениях с древними монстрами, о защите границ империи от вторжений из разломов. Отец, который с детства готовил меня к тому, чтобы я стал великим магом-воином, способным превзойти даже деда.

Моя мать, прекрасная княгиня Елена, была талантливым целителем. Её руки исцеляли даже самые тяжёлые раны, а сердце было наполнено добротой и состраданием. Братья и сёстры — каждый со своим уникальным даром, каждый со своими мечтами и стремлениями. Все они были частью большой, любящей семьи, которая больше не существовала.

Их убили во время страшных чисток, когда новый Император пришёл к власти. После трагической гибели прежнего правителя в Сибирском разломе началась эпоха перемен. Те, кто поддерживал законного наследника престола, стали врагами государства. Наша семья, известная своей верностью дому Романовых, оказалась в списке первых жертв.

Чудом выжил только я. Моя нянька Мария, преданная семье с самого моего рождения, спасла меня в ту роковую ночь. Когда элитный отряд карателей Императора — пять магистров стихий при поддержке регулярной армии — атаковали нашу родовую крепость. Наш род уже был ослаблен в столкновениях против узурпатора, и остатки преданной нам армии находились внутри родовой крепости.

В ту страшную ночь я слышал грохот осадных орудий, крики сражающихся и звон мечей, доносившиеся сверху. Она, рискуя собственной жизнью, спрятала меня в тайном убежище. Каждый шорох заставлял моё сердце замирать от страха, но Мария не позволяла мне поддаться панике.

Она рассказывала истории о великих подвигах нашего рода, о славных предках, чтобы укрепить мою решимость выжить. Её нежные руки, которые раньше ласково гладили меня по голове, теперь крепко сжимали кинжал — она была готова защищать нас до последнего вздоха. Несколько дней Мария укрывала меня в тайных подземельях родового поместья, пока не настала ночь побега.

Зная эти катакомбы как свои пять пальцев, она под покровом темноты вывезла меня в ближайший город, переодетого в простую крестьянскую одежду. Мы путешествовали неделями, меняя лошадей и экипажи, постоянно оглядываясь по сторонам, словно дичь, за которой охотятся опытные охотники.

Каждый привал был наполнен напряжением, каждый новый город — потенциальной опасностью. Но Мария, словно тень, скользила по дорогам Империи, уводя меня всё дальше от места трагедии. Наконец мы добрались до отдалённого монастыря, затерянного в горах.

Настоятель, старый друг нашей семьи, встретил нас с пониманием. Он знал о трагедии, постигшей наш род, и без лишних вопросов согласился помочь. Под его покровительством Мария смогла оформить новые документы, стереть следы моего происхождения и создать новую личность.

Так я стал Ивановым Александром Михайловичем — сиротой, которого приняли в кадетский корпус. Мария, рискуя всем, отдала меня туда, надеясь, что я выживу и смогу отомстить за свою семью. Теперь, вспоминая всё это, я понимал, что должен оправдать её надежды и память своих родных.

В моей душе разгорался огонь решимости. Я должен был не только выжить, но и вернуть то, что было отнято у моей семьи. Память о родителях, деде и всей нашей славной династии давала мне силы двигаться вперёд, несмотря на все препятствия.

Первый год в кадетском корпусе был для меня чуть ли не приговором. Каждый день казался бесконечной чередой испытаний, через которые нужно было пройти, чтобы выжить.

Под вымышленной фамилией Иванова я должен был скрывать своё истинное происхождение, свою настоящую личность. Каждое утро начиналось с того, что я заставлял себя забыть

о своём дворянском титуле, о том, кем я был на самом деле. Теперь я был просто одним из многих кадетов, без роду и племени.

Первые месяцы были особенно тяжёлыми. Строгий распорядок дня, жёсткая дисциплина, изнурительные тренировки — всё это давалось мне с огромным трудом. Но хуже всего было то, что я постоянно жил в страхе разоблачения. Один неверный шаг, одно неосторожное слово — и вся моя тщательно выстроенная легенда могла рухнуть.

Учебная нагрузка казалась невыносимой. Помимо обычных предметов, нам преподавали военное дело, магию, тактику боя. Каждый день начинался с изнурительных тренировок, где требовалось демонстрировать не только физическую силу, но и магический потенциал.

Я должен был не только учиться наравне со всеми, но и постоянно помнить о своей маскировке. Нельзя было показать слишком хорошие результаты в магии — это могло вызвать подозрения. Но и слишком слабые результаты могли привлечь нежелательное внимание.

В обычных условиях для развития магического ядра требовались постоянные интенсивные нагрузки. Необходимо было регулярно выполнять сложные заклинания, наращивать резерв маны, совершенствовать контроль над стихиями. Но теперь я вынужден был сдерживать свой потенциал, искусственно занижая результаты.

Это решение давалось мне нелегко. Каждый раз, когда мы тренировались в управлении стихиями, приходилось буквально сдерживать силу, не позволяя ей раскрыться в полную мощь. Техники, которые раньше давались легко под руководством отца, теперь требовали вдвое больше усилий и концентрации.

Ситуация становилась критической — из-за постоянного подавления своего потенциала магическое ядро словно сжалось, потеряв былую силу и гибкость. То, что раньше давалось с трудом, но всё же получалось, теперь стало совершенно недоступным.

Особенно болезненным было осознание того, что я больше не мог создать даже базовую магическую кольчугу — защиту, которую мы с отцом начали осваивать перед трагедией. Тогда у меня уже начали получаться первые шаги в её формировании, а теперь даже простейшие манипуляции с маной давались с огромным трудом.

Магическая энергия будто стала вязкой и неподатливой, а попытки сформировать защитный покров заканчивались полным провалом. Концентрация рассеивалась, потоки маны отказывались подчиняться, а в моменты наибольшего напряжения ядро словно замирало, отказываясь откликаться на мои команды.

Способности, над которыми мы работали годами, пришлось приглушить, чтобы не вызвать лишних вопросов. Это было похоже на то, как если бы атлет, привыкший к тяжёлым весам, вдруг начал тренироваться с детскими гантелями, а потом обнаружил, что не может поднять даже их.

Но выбора не было. Приходилось жертвовать своим развитием ради безопасности, надеясь, что однажды смогу вернуться к полноценным тренировкам и не только наверстать упущенное, но и превзойти прежний уровень.

В казарме я старался держаться особняком, не заводить близких друзей. Слишком много вопросов они могли задать, слишком много могли заметить. Только Мишка Романов, мой сосед по этажу, живущий в комнате напротив, каким-то удивительным образом разглядел за моей маской скрытности настоящего меня и принял таким, какой я есть. Он стал моим единственным настоящим другом в этих холодных стенах кадетского корпуса, где каждый казался чужим.

Ночами, когда все спали, я часто лежал без сна, вспоминая свою прежнюю жизнь, свою семью. Эти воспоминания давали мне силы продолжать жить дальше, продолжать учиться, продолжать ждать того дня, когда я смогу отомстить за своих родных.

Постепенно я начал приспосабливаться к новой жизни. Научился лучше контролировать свои эмоции, скрывать свои способности, стал более осторожным в словах и поступках. Но

внутри меня всё равно жила надежда — надежда на то, что однажды я смогу вернуть себе своё настоящее имя и своё законное место в этом мире.

Наш корпус для сирот стоял в самом дальнем углу кадетской территории, словно специально отгороженный не только высоким забором, но и невидимой стеной презрения. Мы были изгоями в этом элитном заведении — детьми без рода и племени, которых взяли только из милости.

Каждое утро начиналось с косых взглядов и перешёптываний, когда мы встречались с кадетами из знатных родов на общих занятиях. Они ходили группами, одетые в идеально отглаженную форму, с горделиво поднятыми носами. Мы же были для них низшей кастой, недостойной даже простого приветствия.

Постоянные стычки стали неотъемлемой частью нашей жизни. То кто-то из них толкнёт в коридоре, делая вид, что случайно, то исподтишка подставят подножку на тренировке. Особенно любили они провоцировать конфликты на практических занятиях.

Помню, как однажды на уроке боевой подготовки один из них, княжич Вяземский, демонстративно отказался стоять в паре со мной, заявив, что «не собирается пачкать свои руки об это ничтожество». Его высокомерное лицо исказила презрительная ухмылка, а голубые глаза сверкнули ненавистью. Это вызвало хохот у его прихвостней, которые тут же подхватили его слова, словно стая шакалов.

Наш преподаватель, та ещё скотина, вместо того чтобы наказать Вяземского за неподобающее поведение, лишь цинично рассмеялся и, махнув рукой, заменил его, поставив со мной в пару такого же, как я, сироту. В его глазах я прочитал полное безразличие к нашей судьбе — для него мы были просто дармоедами, которых по великой благодетели содержит и воспитывает новый Император.

Он смотрел на нас как на грязь под своими сапогами, будто наше единственное предназначение — это занимать место в этих стенах и не более того. В тот момент я понял, что здесь никому нет дела до справедливости, здесь правят только власть и деньги.

Вот и сейчас в Центральный разлом отправляли только кадетов-сирот. Это выяснил Мишка сегодня утром после завтрака, когда случайно подслушал разговор двух кадетов из знатных родов. Они, не стесняясь, обсуждали, как ловко руководство корпуса использует нас — детей без рода и племени — в качестве пушечного мяса.

«Опять этих приютских в разлом погонят», — небрежно бросил один из них, боярский сынок, поигрывая золотой цепочкой на запястье. «Да, отец сказал, что там какой-то прорыв случился и надо дырку заткнуть. Но нам-то что? Пусть эти отрабатывают своё содержание, а сдохнут — так казне лучше, и нам налогов меньше платить», — усмехнулся второй, небрежно перебрасывая из руки в руку дорогой амулет.

Эта новость словно ледяной водой окатила меня. Центральный разлом считался одним из самых опасных мест в округе. Даже опытные маги-наёмники брались за задания там только за огромные деньги. А нас, неопытных кадетов, собирались бросить в самое пекло.

Мишка, бледный от услышанного, рассказал мне всё в деталях. Его глаза горели гневом, а кулаки непроизвольно сжимались. «Они же специально нас туда отправляют! Чтобы мы там сгинули, а они остались чистенькими!» — прошептал он, с трудом сдерживая эмоции.

Теперь всё стало на свои места. Очередная демонстрация того, что сироты — всего лишь расходный материал в этой системе. Нас не жалко, нас легко заменить, нас можно использовать для грязных дел.

Но подышать в разломе я не собирался. Как там Мишка сказал: «Зубами буду их грызть, но выползу оттуда живой!» Вот именно, будем грызть их вдвоём, но выберемся оттуда живыми во что бы то ни стало.

Я встал и направился в столовую. Надо было подкрепиться и снова попытаться создать магическую кольчугу. Сейчас уже не до конспираций — главное выжить в том пекле, куда нас собираются отправить.

— Саня, ты пожрать пошёл? — навстречу мне вывалился из своей комнаты Мишка.

— Ага. А ты чего не в столовке? — спросил я.

— Так это, я там уже был. Пожрал, заглянул к тебе, а ты спишь. Ну я тоже завалился дрыхнуть, — Мишка пристроился рядом.

— А сейчас чего делать будешь? — я глянул на него и усмехнулся, точно зная, что он сейчас ответит.

— Так, в столовку же идём, с тобой посижу. Ну, может, съем чего-нибудь, — хмыкнул Мишка.

Я рассмеялся в голос. Мишка был неисправим — как только появлялось свободное время, ему надо было только есть и спать. Больше никаких дел для него не существовало.

— Слушай, — вдруг серьёзно сказал я, — мне надо тренироваться. В разломе без защиты не выжить.

— Да знаю я, — вздохнул Мишка, — только вот ни хрена у тебя не получается. Я уже не знаю, как тебе помочь.

— Будешь снова и снова мне объяснять, пока у меня не выйдет, — сказал я твёрдо. — Особенно когда от этого зависит жизнь.

— Ладно-ладно, — поднял руки Мишка, — уговорил. После еды займёмся тренировками. Но сначала надо подкрепиться, а то с пустым брюхом никакая магия не получится.

— Только давай без твоих обычных отлыниваний, — предупредил я. — Нам нужно выжать максимум из каждого тренировочного часа.

— Да какие отлынивания? — возмутился Мишка. — Я ж не просто так жру — это стратегическое накопление энергии!

Я только усмехнулся. Мишка был неисправим, но в его словах про энергию была доля правды. Без сил никакая магия не получится, а в разломе каждая крупица энергии может спасти жизнь.

— Ладно, стратег, — согласился я. — Но после еды — сразу к тренировкам. И никаких отговорок.

— По рукам, — кивнул Мишка, уже предвкушая очередной для него обед. — Но сначала пожрём как следует. В конце концов, сытый маг — злой маг!

Мишка с энтузиазмом принялся набирать еду на поднос. Сегодня, по приказу капитана, нам давали еду без ограничений, и разнообразие блюд приятно удивляло — не только привычная каша, суп и хлеб, но и жареное мясо, свежие овощи, даже десерт в виде сладких пирожков.

Он нагрузил поднос так, что тот едва не прогибался под тяжестью тарелок. Горка еды возвышалась над краем, а Мишка всё продолжал добавлять то одно, то другое блюдо, словно пытаясь компенсировать все прошлые ограничения.

— Смотри, не лопни, — усмехнулся я, наблюдая за его усердием.

— Не лопну, — отмахнулся Мишка, — в разломе может и не повезти с едой, надо наесться впрок.

Мы устроились за нашим привычным столом, и Мишка, не теряя времени, принялся за трапезу, при этом умудряясь рассказывать последние новости из жизни корпуса. А я тем временем обдумывал предстоящие тренировки и то, как лучше подготовиться к опасному заданию.

Глава 3

Нас подняли в четыре утра и выгнали всех на плац. Мы с Мишкой, естественно, не выпались, так как он до часу ночи занимался со мной формированием кольчуги. У меня даже стало что-то получаться, но устойчивой защиты я так и не сформировал.

На плацу собрались все командиры нашего приюта. Даже начальник хозяйственной службы явился — толстый дядька с погонами майора и пышными усами, которые он то и дело поправлял.

— Через час вы отправитесь в расположение регулярной армии возле Центрального разлома, — объявил капитан Зарубин. — Сейчас у вас есть время позавтракать и собрать все свои вещи в комнатах. Больше вы сюда не вернётесь, — он окинул нас печальным взглядом, развернулся и направился к военным грузовикам, стоявшим неподалёку от плаца.

Поручики погнали нас на завтрак. Уже никто особо не соблюдал строй — все понимали, что нас везут на убой, и никто не придирался к кадетам за мелкие нарушения. В столовой царила гнетущая тишина. Обычно шумное помещение теперь наполняли лишь редкие всхлипы и тяжёлое дыхание.

Мишка, заметив моё беспокойство, подсел ближе:

— Не дрейфь, Саня. Мы справимся. Помнишь, как вчера почти получилось с кольчугой?

Я кивнул, но в душе нарастала тревога. Собрав нехитрые пожитки, мы вышли во двор, где уже ждали грузовики. Впереди нас ждала неизвестность.

Грузовики стояли мрачными серыми громадами, их двигатели тихо урчали, словно дикие звери, готовые к прыжку. Мы с Мишкой молча погрузили наши нехитрые пожитки в кузов. В воздухе витало напряжение, смешанное с запахом машинного масла и выхлопных газов.

— Слушай, — прошептал Мишка, — может, попробуем ещё раз с кольчугой? Времени немного, но вдруг получится?

Я кивнул, и мы отошли в сторону от остальных кадетов. Закрыв глаза, я попытался сосредоточиться, но мысли разбегались, как испуганные птицы. Тревога за будущее мешала сконцентрироваться.

— Не выходит, — вздохнул я, открывая глаза. — Слишком нервничаю.

— Ничего, — подбодрил Мишка, — в дороге потренируемся. Главное — не терять надежды.

Поручик, курировавший погрузку, рявкнул команду, и мы забрались в кузов. Сироты сидели молча, прижавшись друг к другу. Знатные кадеты стояли поодаль от грузовиков, перешёптываясь и бросая на нас презрительные взгляды.

Машина тронулась, и дорога в неизвестность началась. Я смотрел в окно на удаляющиеся стены приюта, понимая, что, возможно, вижу их в последний раз. В голове крутились мысли о Марии, о родителях, о том, что ждёт впереди.

— Не дрейфь, — снова прошептал Мишка, заметив моё состояние. — Мы ещё покажем им, на что способны.

Я улыбнулся уголком рта. Да, мы покажем. Обязательно покажем. Пусть даже весь мир против нас — мы прорвёмся.

Грузовик набирал скорость, увозя нас всё дальше от привычного мира, в самое пекло опасности.

Через несколько часов грузовики привезли нас к Центральному разлому, в расположение военной части. Мы сидели в кузовах и ждали команды на выход. В воздухе витало напряжение, смешанное с запахом гари и озона — явными признаками магической активности неподалёку.

Через пять минут к нам в грузовик заглянул капитан. Его лицо наполовину было покрыто шрамом от ожога, на голове не было ни единого волоска. Весь его вид говорил, что это про-

жжённый вояка, повидавший немало битв. Холодные глаза быстро осмотрели каждого из нас, словно оценивая шансы на выживание.

— Выгружаемся! — рявкнул он, и его голос эхом отразился от стен разлома. — Времени мало. Сейчас получите снаряжение и краткую инструкцию. Потом — сразу в бой.

Кадеты начали медленно выбираться из грузовиков, с опаской глядя на зияющую пасть разлома.

— Кого привезли? — к капитану подошёл майор и мельком глянул на выгружающихся кадетов.

— Опять «мясо» пригнали на убой, не протянут и десяти минут, — капитан сплюнул на землю. — Зелёные юнцы. Эй, вы двое, сюда подошли быстро!

Капитан показал на нас с Мишкой рукой. Мы переглянулись и подошли к офицерам, встав по стойке смирно.

— Вы откуда такие все красивые? — майор ухмыльнулся.

— Кадетский корпус для сирот, относимся к Императорской военной академии, — чётко проговорил я.

Майор и капитан переглянулись.

— Сироты? — уточнил капитан.

— Так точно, сироты. Сто кусков «мяса», присланы на убой, — так же чётко ответил я.

— Капитан, отправь их к Егорычу. Он просил помощь. Может, под его командованием они проживут подольше, чем десять минут. Эти кретины просто решили от сирот избавиться, — вздохнул майор и пошёл дальше.

Капитан посмотрел на выстроившихся кадетов позади нас.

— Вы двое — за старших. Сейчас идёте в хозблок, — он указал рукой на полуразрушенную постройку. — Берёте там провиант, мечи, я смотрю, у вас есть. Стрелковое оружие есть у Егорыча. Возьмёте патроны к пулемётам. В постройке сидит жирный боров, поручик Кобылин, скажите ему, что капитан Беркутов распорядился выдать вам провиант на сто рыл и патроны для пулемётов десять ящиков. На всё про всё у вас двадцать минут. Потом выдвигаемся в разлом, пойдём к Егорычу.

Мы с Мишкой ринулись к хозблоку. Пробегая мимо он махнул рукой кадетам:

- Пацаны, погнали к хозблоку, надо жратву взять и патроны.

Кадеты сразу потянулись за нами.

Здание выглядело так, будто пережило не один бой — стены были испещрены следами от заклинаний и пуль, крыша местами провалилась. Внутри царил полумрак, и запах сырости смешивался с металлическим привкусом пороха.

Поручик, которого капитан назвал «жирным боровом», оказался невысоким, тучным офицером с красным лицом. Он сидел за столом, заваленным бумагами, и что-то бурчал себе под нос.

— Кто такие? Чего надо? — проворчал он, не поднимая глаз.

— От капитана Беркутова приказ! — чётко произнёс я. — Провиант на сто человек и патроны к пулемётам — десять ящиков.

Поручик поднял глаза, и его взгляд стал более внимательным.

— Кадеты? Сиротские, что ли? Ну-ну... — он всё же поднялся из-за стола. — Ладно, раз Беркут приказал... Но учтите, лишнего не дам!

— Сиротские, сиротские, — проговорил Мишка, когда в хозблок стали вваливаться остальные кадеты.

— Куда ломитесь стадом, тут и так не развернуться! Ты, — поручик ткнул в Мишку пальцем, — вон в углу ящики с консервами, сухарями и сухпайками, — поручик обвёл взглядом толпу кадетов, которая набилась в хозблок. — Забирайте всё, что там есть, хоть пожрёте

нормально. А ты, — теперь он ткнул в меня пальцем, — там же, возле ящиков с консервами, возьмёшь патроны. Вас определили уже, куда пошлют?

— Сказали к Егорычу, — сразу ответил я.

— Тогда берите больше патронов. У Егорыча жарко, — сказал поручик и снова сел за стол.

А пузан-то оказался нормальным мужиком. Жратву не зажал и патронов сказал брать больше. Может, поживём ещё.

— Ну что встали, троглодиты, жратва и патроны сами себя не унесут!!! — заорал Мишка. — Подходи по двое!

Мы с Мишкой быстро распределили обязанности: он занялся провиантом, я — патронами.

— Готово! — выдохнул Мишка, таща на себе последний ящик с консервами. — Управились вовремя.

— Отлично, — кивнул я, завязывая последний мешок с сухарями. — Теперь к Егорычу. Надеюсь, он знает, как выжить в этом аду.

Когда мы вышли из хозблока, капитан уже ждал у входа. Кадеты с ящиками патронов, консервов, сухпайками и мешками с сухарями выстроились в шеренгу.

— Кобыла, ты там живой? — заорал в хозблок капитан, в его голосе промелькнуло что-то похожее на уважение. — А то я смотрю, они у тебя половину склада вытащили.

— Заткнись, Беркут. Пусть пацанва пожрёт перед смертью, да Егорычу патронов принесёт. Ты же знаешь, я сам сирота, — проорал из хозблока поручик Кобылкин.

— Ну что? Пошли вперёд, к Егорычу. И помните: в разломе каждый ваш шаг может стать последним. Но если будете держаться вместе — у вас есть шанс выжить. Поэтому не разбредаться, смотреть по сторонам, под ноги и над головой. Эти твари могут атаковать с любой стороны, — сказал капитан Беркутов и пошёл в сторону разлома.

Кадеты молча двинулись следом, каждый понимал — это может быть их последний путь. Но в строю царило странное спокойствие — они знали, что теперь у них есть шанс, пусть и небольшой, но всё же шанс выжить.

К разлому вела дорога, по обеим сторонам которой тянулись высокие оборонительные стены с установленными на них пулемётными гнёздами. На равных промежутках возвышались сторожевые вышки, где несли дежурство вооружённые до зубов солдаты. Их бдительные взгляды скользили по окрестностям, готовые в любой момент заметить угрозу.

Серые бетонные стены, испещрённые следами от пуль и магических атак, создавали гнетущую атмосферу. Казалось, сама дорога пропиталась запахом пороха и озона — немим свидетельством недавних боёв. Тяжёлые железные ворота, перекрывающие путь через каждые сто метров, выглядели как последние рубежи обороны перед лицом неизвестности.

Мы двигались вперёд, и с каждым шагом напряжение нарастало. Даже воздух здесь казался тяжелее, пропитанный ожиданием опасности. Впереди маячила зияющая пасть разлома — место, где реальность словно рвалась по швам, выпуская на свободу древние ужасы.

С грохотом за нами закрылись последние ворота, отрезая путь в прежний мир. Теперь у нас был только один выбор: либо стать закалёнными бойцами, либо сгинуть в зияющей пасти разлома впереди.

Капитан шагал впереди, насвистывая какую-то мелодию. Со стороны могло показаться, что он прогуливается по мирному городу, где не существует угрозы. Но я, присмотревшись внимательнее, заметил, как его взгляд постоянно скользит по сторонам, изучая каждый уголок, каждую тень. Его беззаботный свист, возможно, был не столько для собственного успокоения, сколько для того, чтобы приободрить нас, вселить надежду в сердца новобранцев.

Мы двигались вперёд, и с каждым шагом напряжение в воздухе нарастало. Казалось, сама земля под ногами вибрировала от скрытой угрозы. Разлом маячил впереди — тёмная рана в ткани реальности, откуда в любой момент могли вырваться неведомые твари.

Капитан продолжал свой путь, и его спокойствие невольно передавалось нам. Но я знал: эта показная невозмутимость — лишь маска, за которой скрывается опытный воин, готовый к любой опасности.

Я набрался смелости и подошёл к капитану.

— Господин капитан...

— Беркут, в разломе зови меня Беркут. Коротко и быстро, тут не до «господинов капитанов», понял? — капитан даже не глянул на меня, продолжая внимательно осматривать окрестности.

— Да, господин... то есть, да, Беркут, — поправился я. — А я Александр, то есть просто Саня.

— Что хотел-то, Саня? — ухмыльнулся Беркут.

— Долго нам до Егорыча топать? — я тоже начал осматриваться. Зрелище действительно впечатляло.

Мы вошли в относительно узкий разлом, но уже через пятьсот метров от последних ворот стены начали расходиться, а потолок уходить вверх. Точнее, мы спускались всё глубже под землю. Со свода свисали огромные сталактиты, а по бокам широкой дороги возвышались сталагмиты. Всё это переливалось разными цветами, словно кто-то устроил здесь световое шоу. Магия буквально витала в воздухе, пронизывая каждый уголок.

— Примерно километров десять-двенадцать, никто точно не мерил. Если никого не встретим, то за три часа дойдём, — ответил Беркут на мой вопрос.

— Ясно. Беркут, я знаю, что нас кинули сюда на убой, да и все это знают. Но скажи, есть шанс у нас выжить? — прямо спросил я. В это время Мишка и ещё несколько ребят, слыша наш разговор, подтянулись поближе, чтобы было лучше слышно.

Капитан посмотрел на меня, оглянулся и глянул на идущих сзади, а потом негромко произнёс:

— Вы все здесь погибнете. Не сегодня, так завтра или через неделю. Я вижу, что боевой магии вы ещё не обучены, да и, скорее всего, кольчугу не каждый из вас сможет сформировать. Да даже если и можете, то ваша кольчуга любому монстру на один удар. Нет в вас ещё магической силы. Поэтому и отправил вас майор к Егорычу — под его началом немногие из вас смогут ещё пожить недельку.

Сказав это, он прибавил шаг, показывая, что больше не намерен общаться.

Мишка догнал меня:

— Плохие у нас перспективы.

— Да, вляпались мы по самое не балуйся, — согласился я.

Дальше мы шли молча, внимательно осматривая окрестности. Магия вокруг становилась всё плотнее, воздух словно сгустился от энергии. Стены разлома играли всеми цветами радуги, а где-то вдалеке слышался странный гул, будто сама земля стонала от боли.

Кадеты притихли, каждый обдумывал слова капитана. Кто-то молился про себя, кто-то крепче сжимал оружие. Но мы продолжали идти вперёд — другого пути не было.

Через пару часов мы дошли до развилки с указателем. На грубо сколоченной деревянной табличке кривыми буквами было нацарапано:

«Налево пойдёшь — к Егорычу попадёшь,

Прямо пойдёшь — к Степанычу попадёшь,

А направо пойдёшь — шашлыком станешь»

Все застыли, разглядывая предупреждение.

— Беркут, а что там направо? — не удержался Мишка.

— Озеро с лавой. Жара там неимоверная, — коротко ответил Беркут и, не задерживаясь, повернул налево.

Кадеты, переглянувшись, последовали за капитаном. Кто-то негромко рассмеялся, но быстро замолчал под строгим взглядом командира.

Путь до лагеря тянулся словно вечность. Каждый шаг отдавался гулким эхом в стенах разлома, а воздух становился всё тяжелее. Казалось, сама земля предупреждала нас о приближении к месту, где смерть стала привычным гостем.

Через три часа впереди показались огни лагеря. Нас встретил гигант — под два метра ростом, с головой и руками, покрытыми старыми шрамами. Его форма была заштопана кое-как, а несколько кожаных перевязей утяжеляли облик. На одной из них покоился огромный меч, на другой — пара внушительных ножей.

— Здравова, Беркут! — крикнул он, подходя к нам и рассматривая ящики в руках кадетов. — За жратву и патроны спасибо. А где подкрепление, Беркут?

Мужик встал напротив капитана и сложил руки на груди.

— И тебе не хворать, Егорыч. А это и есть твоё подкрепление, — ответил капитан.

Егорыч рассмеялся весело и громко:

— Беркут, горазд ты шутить. Это же дети! Им вон ящики да мешки таскать, — и добавил уже серьёзно: — Не шути так. Ещё раз спрашиваю, где подкрепление? У меня твари опять попёрли со второго уровня. Федя уже потерял один рубеж. Если не удержим второй, то твари Степанычу в спину ударят.

— А я, Егорыч, не шучу. Прислали сотню кадетов-сирот. Больше никого. К Степанычу ушла двадцатка наёмников, хотят попробовать прорыв у него закрыть. Если закроют, то к тебе придут. А пока вот, — капитан махнул рукой в нашу сторону, — принимай.

— Да вы там все мозги что ли пропили?! Они же сдохнут здесь и пользы не принесут. Забирай их к чертям назад! — повысил голос Егорыч.

— Егорыч, майор отправил их к тебе. Сам понимаешь, почему их прислали в разлом. Списали их. Лучше сделай так, чтобы пожил они подольше, — Беркут повернулся к нам. — Чего уши развесили? Ящики с едой и мешки сложить в большую палатку, патроны рядом с ней. Выполнять!

Кадеты сразу ломанулись к большой палатке, в том числе и я с Мишкой. Пока мы складывали провизию и патроны, Беркут ушёл назад, на поверхность, а к нам направился Егорыч.

— Построиться в пять рядов по двадцать человек! — сказал Егорыч спокойно, но все сразу кинулись выполнять приказ.

Через минуту мы стояли по стойке смирно и смотрели на Егорыча. Его глаза, привыкшие к смерти и крови, теперь с недоверием разглядывали наших юных бойцов.

— Значит так, салаги, — начал он, обходя строй. — Здесь не детский сад. Каждый ваш шаг может стать последним. Но если будете держаться вместе и слушать меня — проживёте подольше. А теперь слушай приказ: первая шеренга — на дежурство к западному посту, вторая — к восточному. Третья — в резерв, четвёртая — на укрепление стен, пятая — со мной на обход территории. Живо!

Его голос звучал жёстко, но в нём проскальзывала нотка заботы. Мы понимали: этот человек знает, о чём говорит. И теперь от него зависит наша жизнь в этом аду.

Глава 4

Мы с Мишкой попали в первую шеренгу и направились в западную часть огромной пещеры, куда указал нам Егорыч. Там нам предстояло поступить в распоряжение поручика Лапина. «Лапа вас встретит и приставит к делу», — бросил напоследок командир.

Опорный лагерь под командованием капитана Савелия Егорова, или просто Егорыча, как его все называли, располагался в гигантской пещере диаметром около двух километров. Пещера имела три выхода. Первый — тот, откуда мы пришли с капитаном Беркутовым; именно возле него располагался сам лагерь, и вокруг него возводились оборонительные сооружения. Второй выход находился на восточной стороне, а третий — на западной, куда мы сейчас направлялись.

Пока мы пробирались через лагерь к западному посту, то ловили обрывки разговоров солдат. Из этих обрывков стало ясно: именно в западном проходе идут самые ожесточённые бои с тварями, которые лезут со второго уровня разлома.

Вокруг лагеря кипела напряжённая работа. Солдаты трудились не покладая рук, возводя мощные укрепления. Каменные стены, сложенные из огромных глыб, добытых в разломе, поднимались всё выше, образуя надёжное защитное кольцо. Каждый камень был тщательно подогнан к другому, создавая непреступную преграду.

Когда мы добрались до западного поста, перед нами открылась впечатляющая картина. Выход из пещеры представлял собой идеально выверенный круглый туннель, словно созданный искусной рукой мастера. Его диаметр достигал двадцати-тридцати метров, а гладкие стены свидетельствовали о том, что природа потрудились на славу, формируя это природное чудо.

Перед туннелем полукругом возвышалась мощная оборонительная стена с многочисленными бойницами. Она была построена с учётом всех требований фортификации, каждый камень лежал на своём месте, создавая надёжное укрытие для защитников. В центре стены располагались небольшие металлические ворота, сейчас надёжно запертые и наглухо закрытые.

По периметру стены были установлены дополнительные укрепления: мешки с песком, бетонные блоки и пулемётные гнёзда.

— Кто такие? — к нам навстречу вышел невысокий мужчина с короткой стрижкой и густой бородой. Его экипировка почти не отличалась от той, что носил Егорыч — те же кожаные перевязи, массивный меч и пара боевых ножей.

— Нас прислал Егорыч под командование поручика Лапина. Он сказал: «Лапа вас встретит и приставит к делу», — ответил Мишка, стараясь держаться уверенно.

— Ну я Лапа, а Егорыч не сказал, что мне с вами, сосунками, делать? — поручик окинул нас презрительным взглядом.

Я не выдержал и вышел вперёд, встав прямо напротив него:

— Мы из кадетского корпуса сирот. По сути, мы смертники, так как не обучены магии, и многие из нас даже не могут сформировать кольчугу. Например, я. И нам срать, куда ты нас определишь. Сколько мы тут протянем, зависит только от тебя, Лапа. А если тебе этого мало, то иди сам к Егорычу, и пусть он тебе объяснит, что с нами делать.

За спиной одобрительно загудели остальные кадеты. Лапа неожиданно ухмыльнулся, и его взгляд изменился — из презрительного он превратился в оценивающий.

— Сироты-смертники, значит. Ладно, если вы все такие с характером, то, может, и поживёте ещё. Давно ели?

— Давно, последний раз нас кормили завтраком ещё в кадетском корпусе, перед тем как загрузить в машины и привезти сюда, — ответил я, не отводя взгляда.

— Тогда пошли, покормим вас. Заодно подумаю, что с вами делать, — поручик развернулся и направился к стене, возле которой виднелась большая одинокая палатка и мерцал огонёк костра.

В палатке царил полумрак, разбавленный светом нескольких фонарей. Нам выдали по банке тушёнки и по большой тарелке горячей гречневой каши. Хлеб и чай можно было брать без ограничений.

Мы расселись кружком вокруг костра, и воздух наполнился запахом еды. Кто-то достал ложки, кто-то начал открывать консервы.

Поручик Лапин присел рядом с нами и внимательно наблюдал, как мы уплетаем тушёнку с кашей. Когда последний кусок был съеден, а тарелки вылизаны до блеска, он поднялся и подошёл к нам.

— Значит так, бойцы, слушайте внимательно, — Лапа достал нож и начал чертить схему на земле. — Мы находимся здесь, — он отметил наше местоположение крестом. — Туннель тянется примерно на пять километров до нашего второго рубежа, — поручик обозначил следующий крест. — В туннеле есть несколько ответвлений, они уже обследованы и заканчиваются небольшими пещерами.

Он сделал паузу, обвёл нас взглядом и продолжил:

— От второго рубежа отходят два туннеля: один ведёт на восток к нашему второму восточному рубежу, а оттуда — к позициям людей Степаныча. Второй уходит вниз, к границе второго уровня, к нашему первому рубежу, который мы потеряли несколько дней назад.

Лапа снова оглядел нас, убедившись, что каждый внимательно следит за его объяснениями.

— Наша задача — продвинуться ко второму рубежу, чтобы помочь подпоручику Фёдору Ларину. Необходимо отбить первый рубеж и закрепиться там вновь. Вопросы есть?

Мы переглянулись между собой. В глазах каждого читался страх, но никто не решался задать вопрос. Ситуация была предельно ясна — нас отправляют в самое пекло.

— Раз вопросов нет, берём с собой три пулемёта, пару ящиков с патронами и еду на пару дней. Всё в большой палатке, разберётесь. На сборы тридцать минут, потом выдвигаемся, — сказал поручик Лапин и направился к небольшой сторожевой башне.

Мы всем отрядом отправились в большую палатку, чтобы вооружиться и собрать припасы. Собрав всё необходимое, мы вышли из палатки, где нас уже ждали Лапа и пятеро солдат. Поручик махнул нам рукой, и мы последовали за ними к туннелю.

Когда мы подошли к воротам, он повернулся к нам:

— Итак, сейчас мы покидаем относительно безопасную зону. Будьте предельно внимательны. Иногда твари появляются прямо в туннеле. Мы до сих пор не поняли, как они туда попадают. Смотрите по сторонам, под ноги и наверх. В случае нападения выполняйте мои команды. Всё понятно?

— Так точно! — громко и хором ответили мы.

Лапа поморщился:

— И не кричите так в туннеле. Соблюдайте тишину.

Он повернулся к воротам и подал знак солдату, стоявшему рядом, чтобы тот их открыл. Мы вошли в туннель, и ворота за нами тут же закрылись. Лапа с двумя солдатами шёл впереди, а остальные трое замыкали нашу импровизированную колонну.

В туннеле стало заметно темнее и холоднее. Магические фонари, закреплённые на стенах, отбрасывали причудливые тени, создавая ощущение, будто за нами кто-то наблюдает. Каждый шаг отдавался гулким эхом, и казалось, что этот звук может привлечь внимание тварей, скрывающихся в темноте.

Мы шли по туннелю, когда поручик внезапно поднял руку, призывая всех остановиться. Его лицо стало серьёзным, почти мрачным. Медленно, почти бесшумно, он и двое впереди идущих солдат достали мечи, их движения были отточены до автоматизма.

В воздухе повисла тяжёлая тишина. Магические фонари на стенах начали мигать, словно предупреждая об опасности. Внезапно откуда-то сверху донёсся странный скрежет, будто когти царапали камень.

Лапа поднял руку с зажатым в ней мечом и тихо произнёс:

— Всем приготовиться. Тихо.

В этот момент из темноты над нашими головами показалась большая тварь. Она двигалась бесшумно, словно призрак, но её силуэт отчётливо выделялся на фоне тусклого света фонарей. Существо было похоже на огромную ящерицу с перепончатыми крыльями, его глаза светились зловещим зелёным светом.

Поручик мгновенно оценил ситуацию:

— Бросайте ящики! Всем достать мечи! Встаём в круг!

Монстр издал пронзительный визг и бросился вниз, целясь прямо в группу кадетов. Солдаты, вооружённые мечами, встали живым щитом между тварью и растерявшимися кадетами. Лапа, двигаясь с невероятной скоростью, парировал первый удар существа.

Существо оказалось быстрым и ловким — оно увернулось от удара и метнулось в сторону, готовясь к новой атаке. На солдатах и поручике замерцала созданная ими магическая кольчуга. Я попытался сформировать свою защиту, одновременно вытаскивая меч. Мишка встал рядом — его кольчуга мерцала тусклым светом, явно уступая защитным барьерам опытных воинов.

Лапа взмахнул мечом, создавая вокруг нас огненное кольцо. Остальные солдаты, используя мечи как проводники магии, начали формировать атакующие заклинания. Их оружие покрылось всполохами пламени.

— Держитесь позади! — крикнул Лапа, отражая очередной выпад твари. — Не дайте ей проникнуть внутрь нашего круга!

Ситуация становилась критической. Монстр был силён и опасен, а его чешуя, казалось, была непробиваема для обычного оружия. Но Лапа не терял самообладания, продолжая вести бой и прикрывая нас.

— Огненный шар, по моему сигналу! — громко сказал поручик, чтобы его услышали все солдаты.

Воины поддержали атаку, направив в монстра концентрированный магический удар. Тварь взвыла от боли и отпрянула, но было видно, что она ещё способна сражаться.

— Приготовились! — скомандовал Лапа. — Повторный удар!

Солдаты объединили свои силы в едином заклинании. Яркий всполох огня пронзил тьму туннеля, ударив прямо в монстра. Существо затряслось, издало последний крик и рухнуло на пол, превратившись в безжизненную массу.

Поручик подошёл к монстру и пнул его ногой:

— Тварь со второго уровня! Как она попала сюда? Раньше мы встречали в туннеле только монстров первого уровня.

Кадеты, всё ещё дрожа от пережитого, начали осматривать своё снаряжение, понимая, что их жизнь только что висела на волоске.

— Собрались, подняли ящики и вперёд! — скомандовал поручик, его голос звучал твёрдо и уверенно. — Мы прошли не больше километра до нашего второго рубежа.

Мы подняли тяжёлые ящики, в которых находились боеприпасы и снаряжение, и снова двинулись вперёд. Проходя мимо твари, я случайно задел её ногой, и в меня хлынула мана. Я пошатнулся, но Мишка, идущий рядом, поддержал меня.

— Под ноги смотри, а то кости переломашь, так и не разу мечом не взмахнув, — он тихо захихикал над своей шуткой.

Мне же было не до шуток. Мана, которая влилась в меня от прикосновения с тварью, бурлила во мне, обжигая изнутри и впитываясь в магическое ядро.

Туннель тянулся вперёд, словно бесконечный коридор смерти. Магические фонари на стенах отбрасывали причудливые тени, создавая иллюзию движения там, где его не было. Капли воды стекали по стенам, создавая монотонный аккомпанемент нашему движению.

Спустя какое-то время Лапа поднял руку, сигнализируя об остановке. Впереди показались укрепления второго рубежа. На стенах мелькали фигуры защитников, слышался приглушённый шум их разговоров.

— Пришли, — тихо произнёс поручик. — Это второй рубеж обороны. Отсюда и начнётся наша настоящая работа.

Солдаты впереди начали открывать массивные ворота укреплений, пропуская нас внутрь. Вид защитников второго рубежа не внушал оптимизма — их лица были измождёнными, а в глазах читалась усталость после долгих боёв.

— Добро пожаловать на второй рубеж, — произнёс один из встречающих офицеров. — У нас тут весело, как на похоронах. Но вы, похоже, уже успели познакомиться с местными развлечениями.

Его взгляд скользнул по нашим усталым лицам.

— Скажи-ка мне, Федя, — поручик поздоровался с подпоручиком за руку, но не отпускал, — а какого хрена я встречаю в туннеле тварь со второго уровня? Не с первого, Федя, а со второго!

Фёдор почесал свободной рукой затылок:

— Лапа, понятия не имею. Мы хоть и просрали первый рубеж, но мимо второго ни одна тварь не прошла.

Поручик отпустил руку Ларина и осмотрел стены:

— Ты уверен?

— Да вот те крест, — Фёдор перекрестился, — ни одна не прошла! — горячо сказал он.

— Плохо, очень плохо. Мы не знали, откуда берутся твари первого уровня, а теперь появились и второго, — задумчиво смотря в пустоту, произнёс Лапин.

Я стоял рядом и решил высказаться:

— Как-то раз, давно, когда мой отец был жив, он говорил, что структура разлома может меняться. Так погиб император в Сибирском разломе — их отряд попал в момент, когда изменилась структура, и открылось сразу два новых прохода со второго уровня. Они попали в окружение, твари валили бурным потоком, их просто задавили числом.

— А откуда знал об этом твой отец? — спросил Лапин, внимательно смотря на меня.

«Идиот, какой же я идиот, это закрытая информация, отец же говорил мне, что об этом знает очень мало людей», — мысли понеслись вскачь, и я ляпнул первое, что пришло в голову:

— Он случайно подслушал разговор двух господ, когда вёз их в своей повозке. Он у меня извозчиком работал, — ответил я и мысленно хлопнул себя по лбу.

— Подслушал, говоришь, ну-ну, — ухмыльнулся поручик. Но развивать тему не стал.

Немного помолчав, поручик заговорил:

— Значит так, Федя, нам надо убедиться, что в туннеле не образовался новый проход на второй уровень. Не знаю, может такое быть или нет, я о таком не слышал. Но проверить надо. Если твари хлынут в туннель и отрежут нас от лагеря, мы все тут сдохнем. Да и остальных надо предупредить, если вдруг найдём проход. Бери десяток кадетов и пяток бывалых солдат и топай обследовать туннель, а я пока тут твоё хозяйство проверю.

Подпоручик осмотрел нас критическим взглядом и выбрал десятерых из нас, в том числе меня. Мишка остался на втором рубеже вместе с остальными.

К нам присоединились пятеро солдат, и мы снова пошли в туннель по направлению к основному лагерю. Двигались не спеша, сразу обнажив мечи и внимательно осматривая стены туннеля. Каждый шаг отдавался гулким эхом, а магические фонари отбрасывали причудливые тени на влажные стены.

Я сосредоточился, вспоминая всё, чему учили меня отец и Мишка, и попытался сформировать кольчугу. «Да-а-а-а, есть, получилось!» — я весь ликовал и еле сдерживал себя, чтобы не заорать от радости на весь туннель. Моя кольчуга светилась ярче и интенсивнее, чем у Мишки. Да, она была слабее, чем у любого впереди идущего солдата, но у меня наконец-то получилось! Если бы кто-то сейчас посмотрел на меня, то увидел бы на моём лице счастливую улыбку.

Солдаты впереди шли молча, их кольчуги мерцали ровным светом, а мечи были готовы к бою в любой момент. Я старался не отставать, внимательно осматривая стены и прислушиваясь к каждому шороху. Теперь, когда у меня появилась хоть какая-то защита, я чувствовал себя увереннее, хотя опасность всё ещё витала в воздухе.

Мы подошли к первому ответвлению и свернули в него. Тщательно обследовав проход и пещеру, вернулись в основной туннель и продолжили путь.

— Где вы встретили тварь, о которой говорил Лапа? — спросил у меня подпоручик Ларин.

— Примерно в километре от основного лагеря, — сразу ответил я, не отрывая взгляда от стен туннеля.

— Далековато отсюда, но будем проверять каждую пещеру. Осталось ещё четыре, — произнёс Фёдор, обращаясь ко всему отряду.

Отряд продолжал методично обследовать туннель. Мы осмотрели ещё две пещеры, не обнаружив никаких признаков новых проходов. В этот момент впереди послышались тихие шаги — кто-то или что-то двигалось нам навстречу.

Фёдор поднял руку, призывая всех остановиться. Отряд замер, напряжённо вглядываясь в темноту. Шаги приближались, становясь всё громче и тяжелее. С каждым мгновением мы всё отчётливее понимали: к нам приближалось нечто огромное и невероятно тяжёлое.

— Всем приготовиться, атакуем по моей команде. Если что-то пойдёт не так — сразу отступаем, — тихо скомандовал подпоручик Ларин.

Мы застыли, не в силах отвести взгляд, когда из мрака туннеля, освещённого тусклым светом магических светильников, появилось чудовище. Оно напоминало исполинскую гориллу, но превосходило её размерами и кошмарной анатомией.

На двух мощных задних лапах монстр возвышался над землёй почти на четыре метра. Ещё четыре мощные конечности с острыми когтями располагались вдоль туловища. Острые когти на каждой лапе блестели в свете фонарей, обещая смерть любому, кто окажется в пределах досягаемости. Пасть твари была усеяна огромными клыками длиной не менее двадцати сантиметров. Каждый зуб, казалось, был заточен до бритвенной остроты, а слюна, стекающая с них, оставляла на полу тёмные подтёки.

Монстр двигался с пугающей грацией, несмотря на свои исполинские размеры. Он словно наслаждался моментом, растягивая наше ожидание. Остановившись в двадцати метрах от нас, тварь замерла, обводя каждого своим жутким взглядом. Затем из её груди вырвалось утробное рычание — звук, от которого, казалось, содрогнулись не только стены туннеля, но и само пространство вокруг.

Глава 5

— Это что за хрень? — спросил один из солдат у Ларина.

— Я сам такую образину впервые вижу и на что она способна, даже не представляю. Давайте медленно двигаться назад к рубежу, — ответил Ларин и начал пятиться назад, не спуская взгляда с монстра.

Как только мы начали отступать, монстр взревел так, что у нас чуть барабанные перепонки не лопнули. Он опустился на остальные четыре лапы и ринулся на нас с невероятной скоростью.

— Атакуем! — заорал подпоручик, и с его руки сорвался огненный шар. Следом полетели ещё пять огненных шаров, пущенных солдатами.

Удар магией пришёлся монстру прямо в клыкастую морду, но это не только не остановило его, а ещё больше разозлило. Он снова заревел и на полной скорости врезался в наш отряд, сметая всё на своём пути.

Ларин погиб мгновенно — не успел отскочить с линии атаки монстра. Чудовище одним движением откусило ему голову. Остальных бойцов разбросало в стороны мощной волной. Я же успел среагировать и вместо того, чтобы отпрыгивать назад, бросился монстру между ног. Вспомнив уроки отца, я влил ману в меч и изо всех сил ударил по последней опорной лапе твари.

Каким-то чудом мой удар оказался достаточно сильным. Кровь монстра фонтаном брызнула из раны, и чудовище споткнулось. Монстр развернулся и ринулся на солдат, которые вновь атаковали его огненными шарами. Но магия бойцов не причиняла твари существенного урона, а кадеты не могли подобраться ближе. Медленно, но неотвратимо чудовище уничтожало наш отряд.

— Надо уходить в пещеру! Там узкий проход, и места меньше — тварь станет менее подвижной, сможем атаковать! — прокричал я, в очередной раз уворачиваясь от смертоносной атаки монстра и пытаясь достать его мечом.

Из всего отряда в живых осталось всего восемь человек: трое солдат, я и четверо кадетов. Двух опытных бойцов монстр разорвал своими могучими лапами, когда они в очередной раз пытались атаковать его магией и не успели уклониться от прямого удара. Пятеро кадетов погибли ужасной смертью: кого-то он просто раздавил своей массой, других с такой силой впечатал в стену туннеля, что их головы лопнули, словно перезрелые арбузы.

Наши успехи были ничтожно малы. Магия огня не причиняла монстру существенного урона, лишь ещё больше его раздражала, опаливая морду и шкуру. Единственный эффект давали удары мечом с влитой в него маной. Мне удалось ещё пару раз зацепить лапы твари, нанеся неглубокие раны. Кровь сочилась из них, и я надеялся, что рано или поздно монстр начнёт слабеть от кровопотери.

Солдаты тоже сумели оставить несколько отметин на теле чудовища, но от кадетов толку не было — никто из них не владел искусством вливания маны в клинок, а простые удары мечом не причиняли твари вреда.

Я начал отступать к ближайшему ответвлению в пещеру, и остальные последовали за мной. До прохода добрались лишь пятеро — ещё трое кадетов погибли под страшными лапами монстра.

— Да что ты за тварь такая?! И откуда взялась здесь?! — заорал один из солдат, вновь атакуя огнём и уворачиваясь от смертоносного удара.

— Это точно не обычная тварь второго уровня, — ответил я, ныряя в узкий проход пещеры.

— Я не полезу в пещеру! — взвыл один из бойцов. — Там тупик! Она нас там перебьёт!

— Здесь у нас есть шанс выжить! Она не сможет тут развернуться, появится возможность атаковать! — крикнул я.

— Не тебе меня учить, салага! Я отхожу к рубежу! — прорычал солдат и двинулся прочь. Остальные заколебались, потянувшись за ним.

Монстр, словно почуяв слабость, не стал преследовать меня, а с удвоенной яростью обрушился на отступающих к рубежу. Его массивное тело двигалось с неожиданной для таких размеров ловкостью, когтистые лапы рассекали воздух в опасной близости от беглецов.

Я остался один в тёмном проходе пещеры, понимая, что моё решение может стать роковым — либо даст мне шанс на выживание, либо приведёт к окончательной гибели.

У меня появилось немного времени на отдых и разработку плана, как завалить в одиночку этого монстра. Я понимал — чудовище легко уничтожит отступающих к рубежу, в этом я даже не сомневался. Оно уже показало, что магия солдат бессильна против него, а нанести удар мечом в широком туннеле практически невозможно. Как только падут опытные бойцы, кадетов тварь сметёт в мгновение ока. Монстр уже осознал их беспомощность и сосредоточился на уничтожении более опасных противников — солдат.

Сколько времени потребуется чудовищу, чтобы расправиться с отрядом, было неизвестно. Нужно было действовать быстро. Я торопливо осмотрел себя в поисках серьёзных ран, требующих перевязки. К счастью, обнаружил лишь несколько неглубоких царапин с запекшейся кровью.

Бросившись осматривать проход в поисках подходящего места для засады или хотя бы для долгосрочной обороны, я наконец нашёл то, что искал — небольшую нишу в стене узкого прохода пещеры. Она была не больше метра в ширину и полтора в высоту, с неровными, шершавыми краями, словно выточенная природой в камне.

Сердце забилось чаще — это могло быть моим единственным шансом. В эту нишу я мог поместиться, прижавшись к стене, и оттуда, если монстр подойдёт достаточно близко, мог запрыгнуть ему на спину и попытаться перерубить шею одним мощным ударом. Но как добраться до этого укрытия, я пока себе не представлял.

План формировался в голове стремительно: если удастся забраться наверх, у меня появится преимущество высоты. Но сначала нужно было найти способ подняться — и каждый миг промедления мог стать роковым. Время работало против меня, а монстр внизу продолжал свою смертоносную охоту на отступающих солдат.

Внимательно изучая поверхность стены в поисках опоры, я наконец обнаружил подходящий выступ. С пятой попытки мне удалось ухватиться за него. Аккуратно подтягиваясь и цепляясь руками, я забрался в нишу.

Немного передохнув, я надрезал себе руку и, высунувшись, начал капать кровью на землю. Оставалось только надеяться, что это привлечёт монстра и он подойдёт достаточно близко к стене, чтобы я смог его атаковать. Выбора не было. Либо он меня, либо я его.

Я сидел неподвижно, вслушиваясь в тишину прохода. Пока было тихо, но меня терзал мучительный вопрос: с какого же уровня пришла эта тварь? Минимум третий, — решил я. Хотя тварей с третьего уровня нам в кадетском корпусе даже не показывали. Дед как-то рассказывал, что максимальный уровень, куда смогли дойти и вернуться живыми исследователи, был четвёртый. Но он всегда считал, что уровней гораздо больше. Может, пять, а может, и все десять — кто знает, какие тайны скрывают разломы. За сотню лет их до сих пор не смогли изучить.

Внезапно в проходе послышались тихие, тяжёлые шаги. Похоже, теперь я единственный, кто ещё может дышать в этом мраке. По звуку я определил, что монстр хромает — похоже, он уже ослабел от потери крови. «Надеюсь, шансы выжить у меня повысились», — промелькнула мысль, но я понимал, что расслабляться рано.

Я затаился, стараясь ничем не выдать своего присутствия, но внимательно следя за ходом. Мои глаза давно привыкли к темноте, и спасибо деду, который научил меня улучшать зрение с помощью маны в тёмное время суток — теперь я видел относительно хорошо.

Монстр двигался вперёд, опустившись на все лапы, приносясь и хромя. Я видел, как за ним тянется кровавая дорожка — он действительно истекал кровью. Похоже, ушедшие к рубежу солдаты и кадеты всё же смогли нанести ему ещё несколько ран, прежде чем он их перебил. «Надеюсь, я смогу одолеть эту тварь, спрыгнув ей на спину, — думал я. — Иначе монстр рано или поздно найдёт меня, и тогда шансов не останется».

Время тянулось мучительно медленно. Монстр остановился недалеко от моей ниши и начал внимательно осматривать стены. «Какого хрена происходит?! — крутилось в моей голове. — Давай, иди сюда! Неужели ты меня чувствуешь? Ну же, внизу на земле моя кровь. Подойди, проверь её!»

Монстр осторожно двинулся вперёд, не отрывая взгляда от стен. «Ближе, ближе, ещё немного... Вот она, кровь! Склони голову!» — мысленно подгонял я его. Максимально напивав маной меч, я приготовился к прыжку.

Сердце бешено колотилось в груди. Тварь склонила голову, обнюхивая мою кровь на земле. Сейчас или никогда. Я прыгнул, направив остриё меча в шею монстру.

Тварь резко дёрнула головой вверх, чем невольно помогла мне. Мой меч вошёл в шею монстра по самую рукоять. Оглушительный рёв прорезал воздух, а чудовище ринулось вперёд, отчаянно пытаясь сбросить меня со своей спины. Влетев в пещеру, монстр начал подниматься на две лапы.

Пока он не успел выпрямиться во весь рост, я выдернул клинок и с силой вогнал его обратно в рану. Кровь монстра хлынула фонтаном, толчками вырываясь из разорванных артерий. Чудовище начало заваливаться набок, но в этот момент мои руки, скользкие от крови, не смогли удержать рукоять меча.

Я рухнул на каменный пол, чувствуя, как мир вокруг начинает расплываться. Острый край камня встретил мой череп с глухим стуком, и тьма мгновенно поглотила сознание. Последнее, что я ощутил — это как холодная каменная поверхность встречает моё безвольное тело.

Я открыл глаза, с трудом соображая, где нахожусь. Глаза заливала кровь, мешая разглядеть что-либо вокруг. Попытался поднять руку, чтобы стереть алую пелену, но острая боль пронзила тело, словно тысячи игл впились в плоть. Сознание начало меркнуть, утягивая меня в спасительную темноту.

Последнее, что я запомнил — оглушительный взрыв и чей-то крик. Нет, не взрыв, а рёв монстра, а крик — мой. Снова этот сон.

Когда я опять пришёл в себя, то почувствовал под спиной что-то твёрдое и холодное. Камень? Или металл? В воздухе витал запах гари и чего-то металлического — крови. Много крови.

Попытался пошевелиться, но тело не слушалось. Каждая попытка движения отзывалась новой вспышкой боли. Нет, это не сон, память начинала возвращаться. Я в пещере, упал с монстра на каменный пол и, похоже, сильно пострадал. Запах гари — так воняет шкура монстра, которую спалили солдаты огненными шарами.

Во сне кто-то приходил мне на помощь. Но сейчас я не слышал шагов.

Я попытался позвать на помощь, но из горла вырвался лишь хрип. Горло пересохло, будто я не пил воду.

В этот момент я почувствовал, как что-то тёплое разливается внутри меня. Мана, очень много маны. Знакомое ощущение силы, текущей по венам, возвращало меня к жизни, но приносило боль. Грудь жгло огнём, боль становилась невыносимой, и я снова потерял сознание от болевого шока.

Сколько я пробыл без сознания, я не знаю, но, очнувшись, я чувствовал себя относительно хорошо. Я закрыл глаза и обратил взор внутрь себя, на магическое ядро.

Оно очень сильно выросло, но не это было странным. Вокруг основного магического ядра появились ещё пять крошечных ядер, связанных между собой тонкими энергетическими каналами. Все пять ядер отливали разными цветами, и я знал, что это значит.

Предрасположенность к управлению стихиями. Красное ядро — Огонь, чёрное — Земля, синее — Вода, ярко-голубое — Воздух, белое — Дух. Центральное ядро, отливающее разными цветами и смешивающее их, давало возможность объединять стихии.

Такого не было даже у деда, а он был очень сильным магистром, владеющим тремя стихиями.

Я почувствовал, как благодаря стихии Воды во мне пробудилась регенерация, которая продолжала восстанавливать моё тело. Процесс шёл медленно, поскольку ядро стихии Воды было ещё очень слабым, но оно всё же исцеляло меня.

Я попытался пошевелиться, но острая боль пронзила всё тело. Похоже, при падении с монстра я сломал позвоночник. Придётся ждать, пока регенерация завершит восстановление.

Выходит, монстр всё-таки сдох, а я снова смог впитать его ману, что дало толчок к появлению новых ядер. Ни дед, ни отец никогда не рассказывали мне о таком. Возможно, я просто не был готов к этим знаниям, или они сами не знали о подобных возможностях.

Мне необходимо добраться до родовой крепости. В её катакомбах находится родовое хранилище. Его невозможно найти, если не знаешь, где искать, даже будучи магистром. И даже если найдёшь, не сможешь открыть — доступ есть только у наследника рода. Там хранятся артефакты нашего княжеского рода Драгомировых и древние записи, которые могут дать ответы на все мои вопросы.

Я точно знаю, что в хранилище всегда находились четыре самых ценных артефакта:

Перстень власти — древний артефакт, передающийся старшему наследнику рода

Амулет стихий — усиливает контроль над магией и её потоки

Родовой меч — священное оружие, хранящее силу предков

Родовая книга — содержит многовековую историю рода и тайные знания

Самым ценным из них является Родовая книга. В её страницах записаны все знания, накопленные нашим родом за столетия. Каждая страница хранит секреты древних ритуалов, формулы могущественных заклинаний и тайны управления стихиями.

Я не заметил, как меня сморил глубокий сон. Впервые за долгое время я спал спокойно, без тревог и кошмаров. Усталость и напряжение наконец-то отпустили моё измученное тело, позволяя ему полностью восстановиться.

Проснувшись, я снова попытался пошевелиться. В этот раз боли не было, и я решился встать. Аккуратно, всё ещё боясь, что тело пронзит боль, я поднялся. После небольшой разминки, не чувствуя ни боли, ни дискомфорта, я улыбнулся. Наконец-то можно решать, что делать дальше. Но сначала нужно осмотреть монстра, чьё тело лежало в конце пещеры.

Подойдя к монстру, я нашёл свой меч и вытащил его из мёртвого тела. Теперь я снова вооружён и даже немного опасен. Я сформировал кольчугу — теперь это удалось легко и без предварительной подготовки. Кольчуга загорелась ярким насыщенным светом, став существенно мощнее. Это хорошо — мои шансы на выживание резко возросли.

Я начал вспоминать уроки по магии, которые проводил отец, и попробовал создать огненный шар. Получилось смешно — шарик больше напоминал свечку, чем грозное оружие мага. Я не стал пробовать другие варианты магии — и так было ясно, что толку пока нет.

Посмотрев на монстра, я подумал: «Если я могу впитывать ману из тварей разлома и усиливать себя, может, стоит попробовать убить ещё кого-нибудь из них?» Отец говорил, что для развития управления стихией нужны постоянные тренировки на пределе возможного. Тогда ядра растут, вырабатывая всё больше маны. Нужно стараться использовать как можно чаще

мощные заклинания — тогда мана вырабатывается быстрее. Это как с мышцами: чем больше тренируешься, тем сильнее становишься. Здесь же другой эффект — можно забрать чужую ману, усилив себя.

Я не понимал, почему могу впитывать чужую ману. Возможно, ответ есть в родовой книге.

Я двинулся к выходу из пещеры, оставив монстра нетронутым. В кадетском корпусе нам говорили, что из монстров можно извлекать ценные ингредиенты для изготовления артефактов, но я не помнил, что именно нужно брать, поэтому не стал заморачиваться.

Двигался я предельно осторожно, напряжённо вслушиваясь в каждый шорох и ожидая нового нападения в любой момент. Каждый шаг отдавался гулким эхом в пустоте узкого прохода, заставляя меня вздрагивать от собственных звуков.

Когда я вышел в основной туннель, то на мгновение остановился, чтобы собраться с мыслями. Тьму здесь разгоняли редкие магические светильники, установленные на стенах и сильно удалённые друг от друга. Их тусклый свет создавал причудливые тени, отчего казалось, что сами стены шевелятся.

Прозрачные кристаллы, служившие источниками света, едва теплились, будто последние искры угасающей надежды. Между ними простирались огромные участки абсолютной темноты, где даже моё улучшенное зрение с трудом различало очертания стен.

Решив не медлить, я направился ко второму рубежу — нужно было срочно сообщить о гибели отряда. Каждый шаг отдавался гулким эхом, нарушая тишину подземелья. Я старался держаться ближе к стенам, где свет от кристаллов дотягивался до земли, создавая хоть какое-то ощущение безопасности.

Глава 6

Двигаясь по туннелю, я вспоминал свой сон, который преследовал меня последнее время. В нём кто-то приходил мне на помощь, и если считать этот сон пророческим, то помощь должна была появиться и сейчас. Но её не было. Это могло означать только одно: либо сон был всего лишь сном, либо что-то серьёзно изменилось, и пророчество сбылось лишь частично.

Стоп. Я резко остановился. Наш отряд ушёл из второго рубежа, чтобы осмотреть пещеры и проверить, не появился ли новый проход со второго уровня разлома. Но никто не вернулся. Сколько же я пробыл без сознания? И сколько времени заняла моя регенерация? Думаю, прошло как минимум сутки, а то и двое. По идее, Лапа мог отправить поисковую группу, но её нигде не было. Либо они просто не смогли меня найти. Хотя вряд ли они пропустили бы все пещеры при обыске.

Я начал внимательно озираться по сторонам, напрягая все чувства, и тут же усилил защиту своей кольчуги. Теперь я постоянно поддерживал её в активном состоянии, но старался свести к минимуму расход маны, чтобы моё магическое ядро успевало восполнять потери.

Не обнаружив ничего подозрительного, я снова двинулся вперёд, но мысли о поисковом отряде не покидали меня. Может, прошло слишком мало времени, и поручик ещё не выслал группу? Нет, это вряд ли. Времени прошло достаточно.

Моя регенерация, хоть и присутствовала, была очень слабой. Повреждения, которые я получил, восстанавливались не меньше суток — это точно. К тому же я успел выспаться, а это говорило о том, что времени прошло действительно много.

В голове крутились тревожные мысли. Где же поисковый отряд? Почему Лапа не отправил людей на поиски? Неужели он решил, что мы все погибли? Или случилось что-то ещё, о чём я пока не знаю?

Каждый шаг приближал меня ко второму рубежу, но тревога только нарастала. Что ждёт меня впереди? Ответы на эти вопросы я смогу получить только там. Нужно двигаться дальше, но теперь я стал ещё осторожнее, внимательно прислушиваясь к каждому шороху в темноте туннеля.

И это спасло мне жизнь — я вовремя заметил мелькнувшую тень в слабом свете магического светильника и замер, прижавшись спиной к стене. Сердце бешено колотилось, а пальцы сами собой сжали рукоять меча. В темноте что-то двигалось, и я чувствовал, как по спине пробежал холодок.

Я усилил зрение с помощью маны, пытаюсь разглядеть противника. Тени в туннеле словно ожили, играя со светом кристаллов, но я знал — там, впереди, скрывается нечто опасное.

Мышцы напряглись в ожидании атаки, а защитная кольчуга вокруг тела начала мерцать ярче, готовясь отразить удар. Я понимал — сейчас всё зависит от моей реакции и выдержки. Одно неверное движение могло стоить мне жизни.

Монстров оказалось трое. Падальщики с первого уровня разлома — твари, похожие на гигантских крыс размером с крупную собаку. В кадетском корпусе нам рассказывали об этих созданиях: они охотятся стаями от трёх до десяти особей, но обычно избегают столкновений с сильными противниками. Их обычная добыча — мелкие твари первого уровня или падаль.

Сейчас эти создания окружили меня, встав с трёх сторон и готовясь к атаке. Вероятно, их привлёк запах убитого мной монстра — я ведь отошёл от пещеры совсем недалеко. Жёлтые глаза падальщиков светились в полумраке, острые клыки блестели в отсветах магического светильника.

Я замер, оценивая ситуацию. Трое против одного — не самый благоприятный расклад, особенно учитывая, что атакующей магии у меня нет. Но отступить некуда, придётся сражаться.

Кольчуга вокруг тела мерцала, готовая защитить в любой момент, а пальцы крепко сжимали рукоять меча, накачанного маной.

Падальщики прижали уши и оскалились, готовясь к прыжку. Их движения были плавными и расчётливыми — твари явно имели опыт в охоте.

Они бросились на меня одновременно. Первая тварь, метившая в горло, напоролась на меч. Вторая впилась зубами в руку, а третья схватила за ногу. Кольчуга выдержала атаку, но расход маны резко возрос.

Не обращая внимания на вцепившихся в меня падальщиков, я добил первого монстра, который, несмотря на ранение, всё ещё дёргался на моём клинке. Откинув его свободной ногой в сторону, я прицелился и мощным ударом рассёк шею твари, вцепившейся в ногу. Меч, усиленный маной, прошёл через плоть как нож через масло, отделяя голову от туловища.

Последнему падальщику я вонзил клинок в живот, выпуская его внутренности наружу. Хватка ослабла, и он рухнул к моим ногам, отпустив руку.

Всё произошло стремительно — от начала атаки до её завершения прошло считанных несколько секунд. Адреналин бурлил в крови, затуманивая разум. Я стоял, тяжело дыша, пытаюсь успокоиться и собраться с мыслями.

Осмотревшись, я убедился, что все противники мертвы. Раны на руке и ноге саднили, но регенерация уже начала свою работу. Кольчуга всё ещё мерцала, расходуя остатки маны. Нужно было экономить энергию — неизвестно, какие ещё сюрпризы приготовила мне эта проклятая пещера.

Я развеял кольчугу — регенерация тоже активно поглощала ману, а скорость её восполнения оставляла желать лучшего. Нужно было отдохнуть и дождаться, пока восстановительные процессы завершатся, а запас магической энергии начнёт пополняться.

Мой взгляд упал на лежащих рядом падальщиков. Уверенность в том, что я смогу впитать их ману и усилить себя, была абсолютной. Но прежде необходимо решить, как распределить полученную силу.

В памяти всплыли слова отца, который всегда настаивал на первоочередном развитии основного магического ядра. По его мнению, именно оно отвечало за скорость восполнения маны и стандартную магическую защиту — кольчугу. Дед же придерживался противоположного мнения: он утверждал, что основное ядро будет развиваться естественным путём по мере необходимости, а приоритетным является развитие ядер стихий. Ведь у каждой стихии есть свои уникальные щиты, которые значительно превосходят обычную кольчугу по эффективности.

Внутренний конфликт между советами старших не давал мне покоя. Какой путь выбрать? От этого решения зависело моё дальнейшее развитие как мага. Время шло, а я всё стоял, размышляя над этим важным выбором.

Я погрузился в размышления. Маны катастрофически не хватало, как и скорости её восстановления. Но в то же время стихия Воды давала возможность усилить регенерацию — чем больше будет ядро этой стихии, тем быстрее и мощнее станет процесс восстановления. Однако заклинаний стихии Воды я не знал: мама не учила меня им, поскольку все были уверены, что моими стихиями станут Огонь, Земля и Воздух, как у деда.

Существовала ещё стихия Духа, о которой я практически ничего не знал. Но дед всегда говорил, что тот, кто умеет работать с этой стихией, становится по-настоящему могущественным магом.

После долгих раздумий я принял решение: силу двух падальщиков направлю на усиление центрального ядра, а энергию третьего — на развитие ядра стихии Воды.

Подойдя к первому монстру, я положил руку на его тело и почувствовал, как его мана начинает струиться через меня к моему ядру. Немедленно перенаправил поток к ядру стихии

Воды — хорошо, что дед успел объяснить мне, как это делается. Энергию двух других падальщиков направил в центральное ядро.

Изменения не заставили себя ждать, пусть и не были слишком заметными. Регенерация заметно усилилась и увеличила расход маны. Уже через пять минут раны на руке и ноге исчезли, словно их никогда и не было. Скорость восполнения магической энергии тоже возросла — я отчётливо чувствовал, как моё ядро наполняется маной.

Это было именно то, чего я добивался. Теперь нужно было правильно распорядиться полученным преимуществом и двигаться дальше, к своей цели.

Я дождался, пока уровень маны восстановится примерно до половины, и только тогда активировал кольчугу. Тщательно настроил её работу на минимальный расход энергии — так большая часть маны, генерируемой моим магическим ядром, шла на восполнение общего запаса.

Мерцающая защита окутала тело едва заметной дымкой, почти не оттягивая ресурсы. Я внимательно следил за состоянием своего магического ядра, стараясь найти идеальный баланс между защитой и восстановлением.

Теперь, когда силы немного вернулись, можно было продолжать путь. Впереди ждал второй рубеж и, возможно, ответы на многие вопросы. Но прежде чем двигаться дальше, я ещё раз проверил своё состояние и убедился, что готов к новым испытаниям.

Двинувшись вперёд, я держался максимально близко к стене, стараясь не издавать ни звука. Каждый шаг был выверенным и осторожным, мои сапоги почти бесшумно касались каменного пола. В этой мёртвой тишине любой шорох мог оказаться предвестником опасности.

Усилив зрение с помощью маны, я постоянно осматривал туннель, не пропуская ни одного тёмного угла. Мерцающие магические светильники лишь изредка освещали путь, создавая причудливые тени на стенах.

Мой взгляд скользил по стенам, полу и потолку, выискивая малейшие признаки опасности. Прислушиваясь к каждому звуку, я пытался уловить дыхание или шорох, которые могли бы выдать присутствие монстров. В этой тишине даже собственное дыхание казалось слишком громким.

Туннель тянулся вперёд, словно бесконечный коридор в недра земли. Каждый поворот мог таить новую угрозу, и я был готов к встрече с ней, держа руку на рукояти меча и поддерживая магическую защиту на минимальном уровне потребления маны.

Второй рубеж был всё ещё далеко, но с каждым шагом я приближался к нему, к возможному спасению и ответам на мучившие меня вопросы.

Через три часа медленного продвижения вперёд я наконец увидел ворота второго рубежа и замер от неожиданности. Второй рубеж всё ещё освещался магическими светильниками, и в их тусклом свете я отчётливо разглядел страшную картину — массивные ворота были вырваны с креплений, словно их сорвал гигантский зверь.

Металлические створки покосились, часть креплений вырвана с корнем, а вокруг валялись обломки камней. Сердце сжалось от недоброго предчувствия.

Я осторожно приблизился к разрушенным воротам, держа меч наготове и внимательно осматривая каждый угол. Магическая кольчуга продолжала мерцать, защищая меня от возможной угрозы. В воздухе витал тяжёлый запах гари и крови.

Каждый шаг давался с огромным трудом. Мышцы напряжены до предела, пальцы судорожно сжимают рукоять меча, а магическая кольчуга едва заметно пульсирует в такт моему сердцебиению. Я постоянно ожидал нападения, каждую секунду готовый отразить удар, но всё равно продолжал двигаться вперёд.

Внутри стен второго рубежа царила зловещая тишина. Тишина, которая казалась громче любого крика. Тишина, от которой кровь стыла в жилах. Но я должен был идти дальше. Должен был найти Мишку, своего друга, и, если он ещё жив, помочь ему.

Осматривая каждый уголок, я продвигался вглубь второго рубежа. Обрывки одежды, следы борьбы, лужи крови на полу — всё это кричало о том, что здесь произошло нечто ужасное. Но я не позволял себе останавливаться, не позволял страху взять верх.

В голове крутилась только одна мысль: «Мишка, надеюсь, ты жив, и я найду тебя». И эта мысль придавала сил, заставляла двигаться дальше, несмотря на все опасности, несмотря на страх.

За два часа я тщательно обследовал весь второй рубеж, но картина везде была одинаковой. И нигде не было ни одного мёртвого тела — ни людей, ни монстров.

Возможно, падальщики успели здесь похозяйничать и уничтожили все следы, сожрав всё, что могли. Я и сам начал ощущать голод и жажду, поэтому решил заняться поисками припасов и воды. Я примерно помнил, где можно найти еду — в одной из палаток стояли ящики и бочки, но тогда я не стал их осматривать, будучи полностью поглощённым поисками выживших.

Грусть накатила на меня тяжёлой волной: неужели Мишка, мой единственный друг, погиб в этом проклятом разломе? Но я не мог быть уверен до тех пор, пока не доберусь до основного лагеря. Возможно, им удалось отступить и выжить.

Нужно было собраться с мыслями и продолжить поиски. Сначала еда и вода, а потом — путь к основному лагерю.

Я зашёл в палатку и первым делом вскрыл ящик — внутри оказались консервы с тушёнкой, именно то, что нужно. В бочках обнаружилась вода — настоящее спасение. Я с жадностью принялся есть и пить, утоляя голод и жажду.

Тщательно обыскав палатку, я нашёл литровую флягу и наполнил её водой. Затем отыскал небольшой, но удобный рюкзак, который заполнил консервами, аккуратно уложив сверху флягу.

В дальнем углу палатки, в одном из ящиков, мне посчастливилось обнаружить новую форму. Сняв с себя грязную и рваную одежду, я залез в бочку с водой, чтобы смыть с себя всю грязь и кровь. Надев новую форму, я стал похож на настоящего солдата.

Всё необходимое было готово. Теперь можно было двигаться дальше — к основному лагерю, где, возможно, удастся узнать судьбу моего друга Мишки и остальных членов отряда.

Осталось решить, каким путём идти дальше. Самый быстрый маршрут к основному лагерю пролегал через большой туннель — если память не подводит, до него около пяти километров. Но что-то мешало мне поверить, что я смогу добраться до лагеря этим путём.

Разрушенные ворота второго рубежа были выломаны именно со стороны большого туннеля. Возможно, именно оттуда началась атака. Но тогда почему я не встретил других монстров, кроме падальщиков? Остальные ворота оказались целыми — я уже успел это проверить.

Может быть, я был без сознания дольше, чем думал? Например, двое суток? В таком случае монстры могли пройти мимо меня в сторону основного лагеря, вот почему я их не встретил. А падальщики, вероятно, оказались последними из нападавших.

Оставался ещё один вариант — идти на восток, к другому нашему рубежу. Возможно, до него у меня получится добраться. Лапа не говорил точно, сколько до него идти — может быть, пять километров, а может, и все десять.

Нужно было сделать выбор и двигаться дальше. Я достал из ящика ещё одну консерву с тушёнкой и, жуя, продолжал размышлять о том, какой путь выбрать. От этого решения зависела не только моя судьба, но и шансы на выживание — ошибиться было нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.